

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Светлана Андреевна

Жёлтые конверты

Светлана Игоревна Андреевна

Жёлтые конверты

**Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39960083

Жёлтые конверты: Детская литература; Москва; 2018

ISBN 978-5-08-006027-4

Аннотация

«Жёлтые конверты» – это послание Судьбы, меняющее жизнь одиннадцатиклассника Алексея Воробьева раз и навсегда. Алеша готовится поступать в МГИМО, уехать из маленького провинциального городка в Москву, но встречает самую необычную девушку в своей жизни – Марго. После этого знакомства его цели кардинально меняются. Эта книга об осознанном выборе пути, о месте человека в обществе, о настоящей любви на всю жизнь, которая вдохновляет и делает лучше.

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О Конкурсе	5
Предисловие	9
Глава 1	12
Глава 2	33
Глава 3	53
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Светлана Андреевна

Жёлтые конверты

© Андреевна С. И., 2018

© Ватолина В. В., иллюстрации, 2018

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2018

О Конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2018 году подведены итоги уже шестого конкурса.

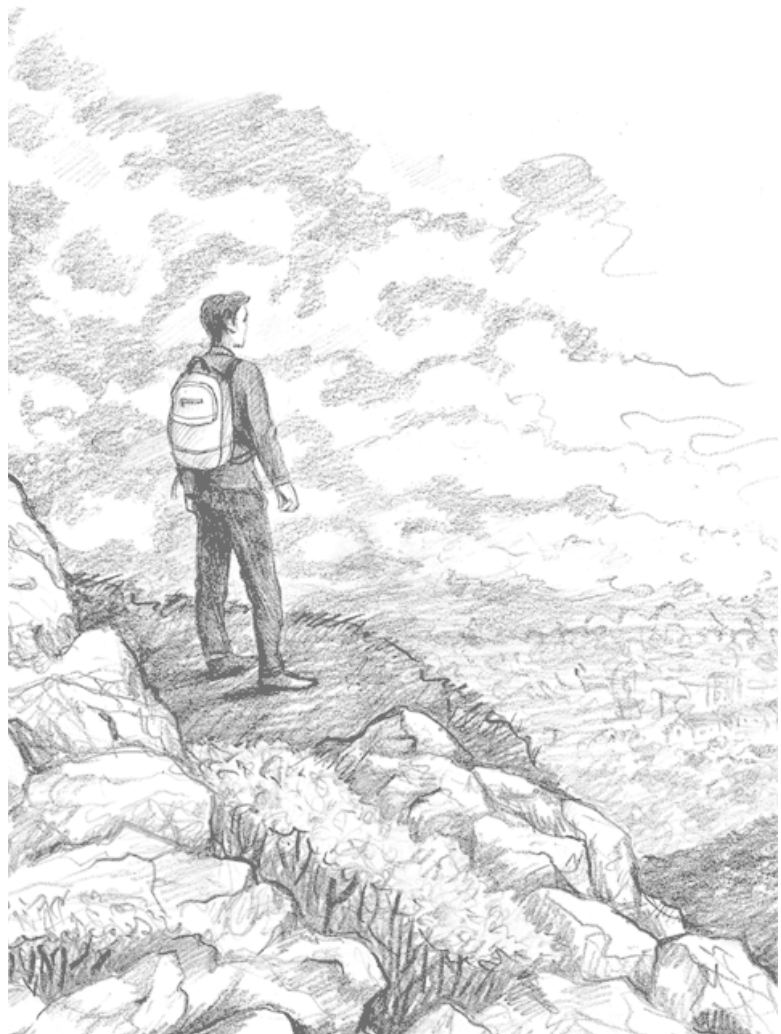
Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри:

взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. На начало 2018 года в серии уже издано более 30 книг. Готовятся к выпуску повести, романы и стихи лауреатов шестого Конкурса. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса ассоциации книгоиздателей «Лучшие книги года 2014» в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию.

Предисловие

Мое поколение не сдавало ЕГЭ. Тогда вступительные экзамены в университеты представлялись своеобразной рулеткой, в которой шарик с никем не гарантируемой вероятностью то попадал на желаемую цифру, то пролетал мимо нее.

Меня всегда восхищали люди, умеющие добиваться своих целей. Некоторые из них были классическими «ботани-

ками», погруженными в зубрежку с головой, порицаемыми всеми, но при этом получающие самые высокие отметки. Другие, напротив, обладали природной интуицией и словно говорили с науками на одном языке. И всем казалось, что в их жизни все просто и легко. Но на самом деле они трудились не меньше «ботаников» и делали это очень красиво, даже элегантно. Почти как художники или музыканты.

Времена изменились, и на смену фортуноподобным вступительным испытаниям пришло новое малознакомое нам явление – единый государственный экзамен. Произношу это словосочетание, и мурашки бегут по коже. Можно долго рассуждать о пользе и вреде этой новой формы контроля, но одно остается совершенно очевидным: любой (слышите меня!?), любой, даже самый маленький человечек из глухой лесной деревушки, своими силами и трудом может протаранить себе дорогу в светлое будущее. «Кто был никем – тот станет всем!» Ведь работает же, и тому есть не одна сотня примеров!

Сегодня мы все волей-неволей вынуждены смотреть западные фильмы. Школа – хороший сюжет для этакой жизненной комедии. Целеустремленный подросток с планером¹, у которого расписан каждый день, каждый час и даже каждая минута. Ну чем не идеал? И вместе с тем за обложкой кажущейся успешности и мечтаний о счастливой будущей жизни всё может выглядеть иначе...

¹ **Планер** – ежедневник.

Как сказал один американский журналист: «Это страшнейшая болезнь XXI века. Симптомы ее очень просты – человек ставит перед собой колоссальные цели, идет по головам, тратит все свои ресурсы, а может, и жизнь на их достижение и в итоге разочаровывается, понимая, что растратил себя впустую». Конечно, кто-то может возразить: «целеустремленным и успешным быть лучше, чем бестолковым и ленивым». И они будут совершенно правы. Но я говорю именно о крайностях. Что, если не так уж и важно, в каком университете учиться, какой диплом получить и какой работе посвятить свою дальнейшую жизнь? Может, все-таки гораздо важнее не растерять в себе человечность, сохранить дружбу, найти настоящую любовь? Ведь это только кажется, что меняется время, а вместе с ним и идеалы. На самом деле сейчас так же, как и тысячу лет назад, мы все идем по своей тернистой дороге, от пункта «А» к пункту «Б», и остановками на этом пути неизменно служат все те же бессмертные константы...

Глава 1

В прихожей зазвонил телефон, и Мария Максимовна вышла из комнаты. Алешка тут же нагнулся и вытащил из-под серванта самодельный конверт, на котором, как ему показалось, было его имя. Так и есть. От руки ровными буквами выведено: «Алексею». За стеной слышались шаги, и он поспешно сунул конверт за пазуху.

– Прости, пожалуйста. Так что там со сложными предложениями? Вспомнил, какие бывают виды?

– Признаюсь, это мое самое слабое место. – и хотя Алексей еще утром повторял тему, сейчас почему-то ничего не мог вспомнить.

– Ладно, не волнуйся. – Мария Максимовна развернула книгу на странице с таблицей-подсказкой. – у нас с тобой еще целый год впереди. К маю посреди ночи будешь рассказывать. Уж в тебе-то я нисколько не сомневаюсь.

Да и как можно было сомневаться? Алексей Воробьев еще с девятого класса знал, что поступать он будет непременно в МГИМО на «международные отношения», а потому уже целых два года усердно посещал репетиторов. Мало сказать – посещал, он все свободное время отдавал учебе. Не то чтобы совсем не виделся с друзьями, просто правильно расставлял приоритеты. Его родина – маленький провинциальный городок, который при желании можно было обойти за три часа вдоль и за час с небольшим поперек, каждый год снабжал студентами вузы краевого центра. О Москве мало кто мечтал, но если таковые и находились, да к тому же еще успешно сдавали экзамены... Тут уж разговоров было на несколько месяцев.

Отец Алешки считался человеком состоятельным. Он держал на городском рынке три торговых места, имел один небольшой магазин в центре и мечтал о покупке еще двух. Словом, деньги водились. При желании семья могла бы по-

тянуть и платное обучение сына, но этот вопрос даже не поднимался. «Поступать – только на бюджет!» – твердил гордый за своего единственного сына отец, и тот, оправдывая надежды, стачивал эмаль о гранит науки.

Упорства Алешке было не занимать, да и от сидения за книжками он получал настоящее удовольствие. Увидишь такого на улице – высокий, подтянутый, русые волосы подстрижены по последней моде, даже татуировка на руке. Между прочим, далеко не у каждого после десятого класса. Словом, нормальный «крутой» пацан. Девчонки штабелями ложились. А он от серьезного отнекивался: мол, ищу одну-единственную. Не искал, конечно, но головы морочил всем.

В городе было три общеобразовательные школы. И только два учителя истории. Один из них – Сергей Валентинович – числился сразу в двух, поэтому на репетиторство у него времени не оставалось. Другая – Анастасия Сергеевна, или Настенька, как ее за глаза называли школьники, – только-только окончила университет и по большой любви переехала на «окраину мира». Легенды об этом передавались из уст в уста, обрастая все новыми неприличными подробностями, так что на уроках истории школьники больше говорили, чем слушали. Настенька не обижалась. В отличие от Сергея Валентиновича, она занималась репетиторством. Но Алешке такие занятия не подходили. Ему требовалось написать ЕГЭ по истории не меньше чем на девяносто, а для верности и все девяносто пять баллов. Знающие люди сказали отцу, что в со-

седнем селе живет не педагог, а кладезь знаний – бывший профессор, ныне садовод-любитель. К нему-то два последних года молодой Воробьев и ездил еженедельно, по понедельникам и пятницам и, к своей радости, чувствовал пользу от проведенных занятий и потраченных родительских денег.

С английским языком дела обстояли похуже. Языковой студии в городке, само собой, не было. Конечно, используя полученный на школьных занятиях словарный запас, Алешка мог рассказать, что *«Лондон из зе кэпитал оф Грэйт Британ»*. Но одно дело – говорить о пустяках, не задумываясь над произношением и ошибками, и совсем другое – сдавать экзамен.

Мария Максимовна нашлась сама собой. Она словно Мери Попинс свалилась с неба в середине учебного года и стала вести рисование в их школе, так как должность учителя английского была уже занята. Но все знали: Мария Максимовна много лет прожила за границей, зачем вернулась – непонятно, но то, что английским владеет в совершенстве, – неоспоримый факт. Она была далеко не старая, но жила почему-то одна, да к тому же в лесу.

Одноэтажный, крытый черепичной крышей дом с мезонином, который она купила, располагался таким образом, что попасть к нему можно было либо через огород одной бабушки, которая торговала семечками у себя во дворе, либо в обход по лесной дороге. У семьи, строившей этот дом, была кочующая пасека. Дети выросли и разъехались, так что их

родители уезжали со своими ульями вместе и приезжали тоже вместе на машине. А у Марии Максимовны машины не было. Непонятно, как она попадала домой, особенно после вечерних занятий. Лес был не очень глухой, местность без-опасная. После революции эти земли раздали крестьянам. Тогда здесь цвели тутовые деревья и виноградники. Здесь добывали известняк-ракушечник, которого в округе было в избытке. Были и волки, и косули. А потом все пропало... пришло в запустение.

Когда шел дождь, глинисто-песчаную дорогу размывало настолько, что ноги по самую щиколотку утопали в вязкой жиже. Но Мария Максимовна всегда приходила в школу чистенькая и без резиновых сапог в авоське. Это интриговало. Наверное, она прятала их где-то в лесу.

Обычно Алешку на занятия возил отец. Но бывало, что ему и самому приходилось добираться. На историю – маршруткой с автостанции, а на английский – пешком, всего-то минут сорок ходу. Особенно приятной прогулка была летом. Как здорово идти по цветущему лесу, скрываясь в прохладе его широких ветвей от палящего солнца.

В тот самый день, когда молодой человек обнаружил первый желтый конверт, он вышел из дома намного раньше положенного и, отмеряя шаги в такт звучащей в его ушах популярной мелодии, неслышно пошел в сторону учительского дома.

Самая большая неприятность заключалась в том, что идти

ему все время приходилось в гору. Так уж расположился этот городок – вроде бы в низине, вдоль русла давно пересохшей степной речки, а в какую сторону ни пойдешь – везде холмы да пригорки. Алексей обливался пóтом, а в голове у него крутились самые разные мысли. «В МГИМО самое главное – не упустить повышенную стипендию. В основном все в первый год решается. Можно еще и подработку найти. Отец говорит – машину надо, но, по-моему, машина в Москве не очень нужна. Там все больше на метро. Ленка завтра в „клетку“ пойдет. Надо будет там тоже вроде как случайно оказаться. Только бы этот ее качок Колючий не пришел. С ним сложнее будет...»

Несмотря на то что Алексея не слишком интересовали девчонки, он был человеком целеустремленным во всех отношениях. Ленка считалась самой красивой девочкой в школе, и он, оттачивая свои навыки в достижении целей, рассчитывал с ней «замутить». Не обязательно с серьезными намерениями, а так, чтобы все видели: он своего добился. Коля по кличке Колючий учился в местном училище механизации, называемом в простонародье «Маханкой», на повара, ездил на старом мотоцикле и цели имел более приземленные, чем Алешка. Ленке он подходил как нельзя лучше – училась она так, что учителя говорили: «по тебе „Маханка“ плачет». А чего ей плакать, когда там Колючий? Ему еще два года учиться. А если в армию заберут – и того больше. А Ленке заканчивать школу через год, так что все сложится у нее, как надо.

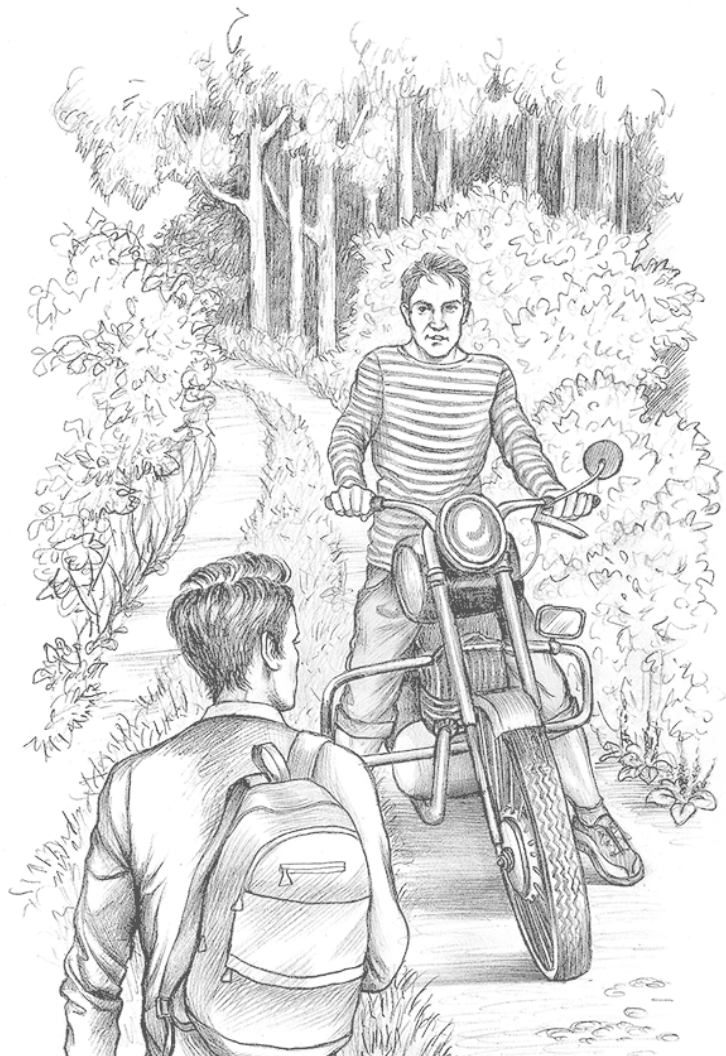
Говоря откровенно, Алешке не слишком нравились такие девчонки. Нет, внешне все в Ленке выглядело безупречно, даже слишком. Роскошные длинные волосы, завитые в кудри или игривый высокий хвост, отличная фигура (спасибо единственному в городе тренажерному залу), ровные белые зубы, и все это в придачу к модным вещичкам, которые прислала ей сестра из Европы. Если бы ее внутреннее содержание могло хоть чем-то заинтересовать, он непременно остановил бы свой выбор на ней. По крайней мере, до окончания одиннадцатого класса. Но стоило Ленке открыть рот, как вся «магия», витавшая вокруг нее, моментально рассеивалась, оставляя только аромат модных духов.

...Старые домишки по бокам широкой улицы кончились. На смену им пришли заросли бузины и диких абрикосов. Прошагав еще несколько минут, Алешка услышал рычание мотора, и через мгновение, прорывая заросли, прямо из лесу на дорогу выехал мотоцикл. За рулем сидел Колючий. На нем была старая тельняшка и закатанные до колен джинсы. Развернув свою технику таким образом, чтобы полностью преградить дорогу Алешке, он не спешил слезать с мотоцикла и нагло таращился на него.

Алешка не боялся Колючего. Во-первых, потому что все детство занимался карате, и тот однажды уже имел счастье испробовать его кулаки, а во-вторых, один, без компании своих пустоголовых дружков-«маханщиков», он вряд ли бы отважился предпринять активные действия.

– Так что, Воробей (это прозвище еще с пятого класса закрепилось за Алешкой благодаря фамилии), говорят, ты сегодня в «Клетку» решил заглянуть? Что, все экзамены переручил?

– Да нет. Не все. Хотя тебе этого не понять. Решил просто развеяться. – Алешка чувствовал, что их взаимное препирательство может затянуться, а опаздывать не хотелось. – Езжай давай, а то носик попудрить к вечеру не успеешь. Порядочные девушки с обеда на дискотеку собираются.

Колючий заклокотал, перегоняя в носу привычную субстанцию, а затем звучно сплюнул.

– Слышь, ты, умник, на твоём месте я бы не шел сегодня вечером домой один. Мало ли что. На твоей улице фонари не горят. Может кто переехать случайно.

– Не смей меня, – проговорил Алешка, и на лице его появилась искусственная улыбка. – если под этим кем-то ты имеешь в виду себя и свой драндулет, так не обольщайся: он от первого камня пополам разлетится. Вон, уже и колесо разболталось.

Воспользовавшись мгновением, пока Колючий оглянулся с опаской на заднее колесо, Алешка прошел мимо него. Не боязливо, а, напротив, уверенно, не ускоряя привычного темпа. Очень уж ему не хотелось тратить время на это «позвоночное». Он чувствовал, как Колючий сверлит его спину своими большими глазами с красными от вечного недосыпа прожилками. Сейчас этот «недоморык», скорее всего, и не рискнул бы лезть в драку. Зачем, если никто не смотрит? А вот вечером... Вечером соберется «приличная» публика. Там будет перед кем покрасоваться.

Как ни старался Алешка прийти вовремя, он все равно опоздал. И виной тому был не только Колючий. Мария Максимовна с укоризной встретила его на пороге:

– Лешенька, ты же знаешь, у меня после тебя еще один ученик. Сам у себя крадешь время.

Алешка виновато опустил голову и сквозь широкий коридор прошагал в комнату к столу, за которым они обычно занимались. В качестве домашнего задания на сегодня, помимо уже упоминаемых сложных предложений, Алешка должен был поработать и с большим текстом, посвященным экономике Китая. Что делать, если одно из заданий ЕГЭ непременно заключало в себе трудный, неинтересный и полный научных терминов текст? Невозможно было выучить специальные слова по всем возможным разделам научного знания. Но выработать методику, научиться анализировать такие тексты, даже при условии, что многое оставалось непереводимым, – вот этой-то науке и пыталась научить его Мария Максимовна.

Рассказывая о прибрежных производствах Китая, Алешка как всегда скользил глазами по комнате, стараясь не смотреть в серьезное лицо учительницы. Вдруг взгляд его привлек желтый листок, выглядывающий наполовину из-под массивного серванта, занимавшего половину стены. Здесь стояли и книги, и посуда, и разные статуэтки. За стеклянными дверцами прослеживалась целая история жизни хозяев. Почти такой же сервант стоял в доме у Алешкиной бабушки. Его родители считали пережитком советских времен, когда все самое ценное выставляли напоказ гостям.

У них дома все шкафы были встроены в стены таким образом, что со стороны казалось, будто в помещении и вовсе нет шкафов.

Алешка рассказывал и при этом сверлил листок глазами. Теперь, при более внимательном рассмотрении, ему показалось, что это самодельный конверт и даже отдавая дань фантазии и некоторой погрешности зрения человека, привыкшего сидеть за книжками ночи напролет, на этом конверте ему явственно виделось собственное имя. Как такое вообще могло быть?!

После того как Мария Максимовна ненадолго вышла из комнаты, Алешка, убедившись в том, что конверт с его содержимым действительно предназначался ему, спрятал его за пазуху. Он всматривался в лицо учительницы, чтобы понять, не затеяла ли она с ним какую-то игру в рамках образовательного процесса. Для таких размышлений у Алешки имелись основания. Однажды зимой, сговорившись с его родителями, Мария Максимовна устроила у него дома настоящий квест: подготовила карту, несколько заданий на английском языке, подсказки. Это было перед каникулами. Алешка позвал друзей, папа накупил призов, и все дружной компанией бродили по двухэтажному дому (который в детстве Алешка считал настоящим замком) в поисках сокровищ.

Вот поэтому и теперь у него не осталось ни малейших сомнений в том, что это Мария Максимовна снова решила повысить его интерес к своему предмету. Эх, были бы все учителя такими, как она!

До конца занятия Алешка старался определить, заметила ли она, что он «проглотил наживку». Распрощавшись с учи-

тельницей и оказавшись за калиткой, он еще немного прошел по дороге и, убедившись, что Мария Максимовна не следит за ним (хотя зачем ей, собственно, это нужно?), открыл конверт. Внутри лежал сложенный вдвое листок белой бумаги. Алешка развернул его. К своему удивлению, подсказки, где искать клад, он там не нашел. Это было самое обыкновенное письмо (на русском языке!), адресованное ему. Вот что в нем говорилось:

Привет, Алексей!

Не знаю, как тебя называют друзья. Может, слишком официально? Но мы же пока не друзья. Ты меня даже не знаешь, так что буду называть тебя Алексеем.

Ты не представляешь, сколько раз мне хотелось написать тебе это письмо. Не спрашивай, почему я просто не заведу себе друзей по переписке. Это невозможно. Как невозможно и дружить с кем-то вообще в обычной жизни. Но я так давно наблюдаю за тобой, что кажется, будто мы и вправду знакомы. Я знаю о твоих планах на будущее, о том, что тебе интересно, знаю, какой ты целеустремленный. Если бы во мне было хоть чуточку этого качества, возможно, многое бы сложилось иначе.

А еще я знаю, как ты проводишь вечера. Уж прости, подслушала. Знаю, как читаешь сначала то, что нужно для школы, потом английскую литературу и после этого – художественные книги. Не много найдется твоих сверстников, которые так серьезно

подходили бы к самообразованию.

Я тоже люблю читать. Но не всегда вдумчиво. Меня часто отвлекают посторонние звуки. Хотя читаю я быстро. Очень быстро.

Что еще в письмах принято писать? Наверное, какие-то новости. Но новостей у меня обычно не бывает. Только вот недавно я начала писать картины. Не как художник, а так, больше от безделья. Лучшие всего у меня получается море. А людей и животных я совсем не рисую. Не умею. Завидую иногда людям, у которых руки золотые. У меня не так.

Вот представь, какая бы из меня вышла болтунья, если бы мы общались в обычной жизни! Столько написала и ничего конкретного. Одна вода. Не уверена даже, что ты найдешь мое письмо или не выбросишь после прочтения первых строк.

Ладно, не стану больше отнимать твое время.

С наилучшими пожеланиями, М. О.

Дочитав письмо, Алешка растерянно покрутился, словно решая, стоит ли ему вернуться к Марии Максимовне и спросить прямо об этом письме или продолжить путь домой. Учительница жила одна, в этом сомнений не было. К тому же в письме ясно указывались инициалы «М», что означает Мария, а «О»... Ничего не означает, потому что ее фамилия Красных. Да и потом, зачем ей писать ему письма? Глупо как-то. Кто еще занимается английским в этот день до него? Девчонки из школы? Его одноклассницы? Он начал переби-

рать в уме всех, кто собирался сдавать ЕГЭ по английскому. Кроме Виталика и Дениса из 10 «А», никто не вспоминался. Наверняка это кто-то из другой школы. Необычный способ завязать дружбу. Остановившись на этой мысли, Алешка сунул письмо в карман, решив на следующем же занятии разузнать у Марии Максимовны подробно, с кем из девочек она занимается.

* * *

«Клеткой» называлась единственная и потому всегда многолюдная городская дискотека. Располагалась она в Центральном парке. По высокому бетонному фундаменту, обтянутому вместо стен сеткой, похожей на ту, из которой делают заборы, вдоль края перемещалась толпа разодетых молодых людей. В центре этого дефилирующего потока танцевали. Когда танцующим надоедало, они ныряли в толпу и вместе с остальными ходили кругами. Откуда пошла такая традиция – никто не знал. Но еще в те времена, когда бабушка Алексея впервые приехала сюда по распределению после ветеринарного училища, по периметру «Клетки» уже ходили. Это было даже удобно: если человек приходил на дискотеку один, после первого же круга он непременно встречал знакомых. Город ведь маленький.

Ученики одиннадцатых классов чувствовали себя здесь почти «элитой». Выше них стояли только «маханские», они

были самыми старшими, так как институтов в городе не имелось. Ну а если случалось, что на дискотеку попадали приехавшие из города на каникулы студенты, то их почти боготворили. Но все равно, одиннадцатый класс – это не девятый и даже не десятый. Они были почти студентами не какого-то там училища, а высших учебных заведений и смотрели на «маханских» с некоторым пренебрежением. В «Маханку» обычно уходили после девятого. Такие, как Ленка, были редкостью. В связи с этим нередко возникали горячие споры и даже драки, и общество делилось на два вечно противоборствующих лагеря.

Только в половине одиннадцатого Алешка с другом Ромой по кличке Рамзес подошли к «Клетке». Вообще-то дискотека открывалась в девять.

К этому времени у турникета, где вжимали по двадцать рублей с человека за проход, уже собиралась приличная толпа. Но «нормальное» общество, то есть те, кого дома не ограничивали во времени, приходили не раньше десяти. Девяти и восьмиклашки уходили домой до одиннадцати, оставляя «Клетку» в полном распоряжении «взрослых».

Посреди танцплощадки выделял свои изощренные па Колючий, а его дружки, похожие друг на друга, как близнецы, копировали каждое его движение. Ленка танцевала немного в стороне. В этот вечер одета она была в облегающие блестящие лосины и свободный топ, открывающий алмазную бусину в пупке. Конечно, зачем делать пирсинг и

скрывать его потом?

Алешка решил перейти в наступление незамедлительно. Лучше сразу показать Колючему, кто здесь чего стóбит. Он подошел к Ленке и хотел заговорить, но музыка звучала так громко, что его слов она все равно не смогла бы разобрать. Так что пришлось взять ее за руку и вывести из «Клетки». Девушка не сопротивлялась. Оказавшись в стороне от танцующих, она испытующе посмотрела на него. Возникла неловкая пауза.

С такими, как она, ни в коем случае нельзя делать паузы:

– Воробей, ты что, язык проглотил?

Требовалось что-то предпринять.

– Чем займешься после дискотеки? – только сейчас он заметил, что Ленкино лицо переменилось. Но что именно не так, он пока не понял.

– Не знаю, думала, может, с Колючим покататься. А что?

Алешку передернуло при мысли, что ей придется делать выбор. Но выхода не оставалось.

– Давай погуляем? Я знаю одно место хорошее. Оттуда весь город видно.

– Типа романтика? Ты меня на свидание приглашаешь?

– Ну вроде как да...

– Я подумаю, – пропищала Ленка и без всяких послесловий направилась обратно в «Клетку».

Алешка постоял еще немного, пока голос Рамзеса, отчаянно пробивающийся из глубины дискотеки, не вывел его

из оцепенения. Там началась какая-то заварушка, и Алешка поспешил на помощь товарищам.

Как и ожидалось, «маханские», дождавшись достойной публики, перешли в наступление. Танцуя, они начали задевать Рамзеса и других ребят из одиннадцатого класса плечами, и к тому моменту, когда Алешка прорвался сквозь турникет, толпа расчистила середину танцпола, поддерживая своими возгласами вступивших в сражение. Все знали – до приезда полиции у них есть примерно десять минут, хотя полицейское отделение располагалось здесь же за углом, так уж было заведено – честно заслуженные десять минут доблести у ребят имелись.

Недолго думая Алешка принял бой. Колючий, ухитрившийся как-то пронести в «Клетку» кастет, пытался нанести противнику серьезные удары, от которых тот, к счастью, уворачивался, пропустив только один, но и этого хватило для того, чтобы на щеке Алешки проступили алые капли. От резкой боли он на мгновение перестал понимать, где находится. Несмолкавшая музыка, чьи-то выкрики, похожие на те, что бывают на стадионах, – все слилось в единый гул, из которого никак не вычленились составляющие его элементы. Воспользовавшись заминкой, Колючий принялся молотить Алешку в живот, подключая к своим непрофессиональным, но страшно болезненным ударам еще и ноги.

Внезапно все прекратилось. Музыка стихла, и Колючий куда-то пропал. Алешка и понять ничего не успел, как кто-то

грубо схватил его за руку и поднял с земли. Перед ним стоял Владимир Иванович, школьный друг его отца, сотрудник полиции, который только что заступил на свое ночное дежурство. Алешка пытался говорить, но получалось невнятно. Несмотря на то что до отделения было рукой подать, его (почему-то одного... куда делись остальные?) запихнули в милицейский «бобик» и, прокатив по ухабистой дороге двадцать метров, вытащили на улицу прямо перед входом в отделение.

Алешка бывал здесь всего однажды. Да и то не по назначению, а так – заходил вместе с папой. Ему тогда было лет шесть-семь. Пока взрослые переставляли фишки на игровой доске, мальчик с интересом рассматривал развешанные по выкрашенным голубым стенам вырезки из газет. Большая часть из них отражала, само собой, доблестные поступки героев в форме. Особенно запомнилась нечеткая старая фотография старичка, жителя соседнего села, который, согласно заголовку, «В одиночку предотвратил расхищение социалистического имущества». Что такое «социалистическое имущество», Алешка тогда еще не знал, но по стоящему рядом со старичком здоровенному амбалу, на которого нацепили наручники, догадывался, что речь идет о борьбе добра со злом.

С тех пор прошло лет десять, а может, и больше, но в отделении полиции почти ничего не изменилось. Владимир Иванович (раньше просто дядя Вова) приволок за рукав наруши-

теля общественного порядка и, усадив на стул, сам тяжело опустился в кресло за столом. На крупном квадратном лице с глубокими морщинами вокруг глаз читались усталость и раздражение одновременно. После некоторой паузы он разразился ругательствами:

– Парень, у тебя мозги есть?! Верно говорят, в тихом омуте всякая нечисть водится! Ну на кой тебя понесло драться?! Пришел на танцы, так танцуй, с девчонками шуры-муры, то да се... Но чтоб так...

– Я не виноват, – держась за гудящую челюсть, проговорил Алешка.

– Виноват, не виноват... Поймали-то тебя. Так что и спрос тебя. Все в детский сад играешь, думаешь, в жизни тоже так будет: поморгал глазами и сошло с рук? Думать надо головой. Я тебя сейчас на трое суток посажу, и плакали твои университеты. Там, поди, таких шалопаев не сильно жалуют, а?

Алешка молчал. Только теперь ему стало понятно, чем грозит это мимолетное геройство. Ну а что, собственно, он мог сделать? Оставить своих на растерзание «маханским» и постоять в сторонке? Немыслимо! Мало того что позорно, так еще ведь, если разобраться, он сам и стал причиной разборки. Назло Колючему начал за Ленкой ухаживать. Верно говорят, все проблемы в мире из-за женщин.

– Ладно, давай так, – смягчившись, заговорил дядя Вова. – ты мне просто скажешь, кто там еще с тобой был, и я это

дело замну. Ежу же понятно, ты парень смиренный, первым в драку не полезешь.

Алешка посмотрел на него и упрямо мотнул головой:

– Я не помню. Там много народу было.

– Ты мне тут не юли! – повысил голос дядя Вова. – Мы не в игрушки играем. Это в твоих же интересах. А мне нельзя иначе. Поступил звонок. Все видели, что завязалась драка, да еще и коллективная. Взяли одного тебя. Так что давай рассказывай. Не подставляй себя и меня.

– Темно было, – повторил Алешка стоически.

Дядя Вова стукнул кулаком по столу и вышел из кабинета. Через несколько минут он вернулся. В помещении запахло табаком. Больше он с Алешкой не разговаривал. Наверное, понял, что ничего не сможет от него добиться, и теперь сидел и заполнял какие-то бумаги. Вскоре приехал Алешкин отец. Наверное, дядя Вова позвонил ему, когда выходил. Со свойственной ему холодной сдержанностью, хуже любого наказания действовавшей на провинившегося, он поблагодарил школьного товарища и вывел сына из отделения.

По дороге домой они не разговаривали. На душе у Алешки было погано. Он чувствовал, что своим легким избавлением прибавил головной боли дяде Вова, подставил отца, как говорят в этих случаях – опозорил, и не достиг поставленной перед собой цели в виде Ленки. На Рамзеса он вообще сильно обиделся. Как могло случиться, что тот убежал, даже не подумав прихватить с собой раненого друга?

Глава 2

Мама тоже объявила Алешке бойкот. То, что среди молодежи обычно вызывает всеобщий восторг, у людей постарше может вызывать совершенно противоположные чувства. В маленьком городе новости разносятся быстро. Мама работала в одном из папиных магазинов, так что время от времени к ней заходили за покупками (или просто поболтать) друзья, знакомые и даже не совсем знакомые люди. После происшествия в «Клетке» они почти каждый раз со вздохом напоминали ей, что воспитывать мальчиков в XXI веке не так просто, как в былые времена. Или что жестокими современных детей делают зарубежные фильмы, где одно насилие. И мама соглашалась со всеми, но каждый раз переживала в душе негодование от того, что именно ее всегда такой положительный и примерный мальчик вдруг пошел по наклонной.

Сам же Алешка хоть и испытывал некоторое чувство гордости от того, что друзья часто вспоминали его подвиг, все-таки переживал за свое будущее. Он, конечно, понимал, что решающую роль при поступлении в университет играют результаты ЕГЭ и что если он наберет три сотни баллов за три предмета, желанный вуз распахнет перед ним двери. Но все же маленькая назойливая муха неприятно подзуживала где-то в мозгу и заставляла нервничать. В конце концов он не выдержал и решил поговорить с тем, кто был, по его мнению,

наиболее авторитетным и в этом вопросе.

Мария Максимовна не могла не знать об Алешкином «героисте». Но то ли она была слишком деликатной, то ли считала, что к ее предмету это отношения не имеет, но она единственная из всех ни разу не заговорила с ним на неприятную тему. Прошло уже три занятия с тех пор, как это случилось. Разбирая употребление артиклей перед географическими названиями, Алешка вдруг спросил:

– Мария Максимовна, а в школе есть какой-то журнал, где фиксируются правонарушения учащихся?

– Такой журнал есть у каждого классного руководителя. Тот, где оценки ставятся, а сзади – личные данные учеников. А почему ты спрашиваешь?

Вместо ответа Алешка решил уточнить:

– И что, на выходе эти данные каким-то образом передаются в университет?

– Все зависит от того, какие именно сведения там содержатся. – Мария Максимовна внимательно посмотрела на ученика. – Я, кажется, понимаю, к чему ты клонишь. То-то, я смотрю, ты в последние дни сам не свой. Дело в том, что хвалить тебя за содеянное, конечно, нельзя. Это не позиция педагога. Но по-человечески я тебя понимаю. Мне ведь уже успели рассказать, как все было. Только я не понимаю, чего ты переживаешь? Насколько мне известно, Владимир Иванович близкий друг твоего папы, и он не станет портить тебе жизнь. Это уж точно. Разумеется, если такое поведение не

войдет в привычку, – улыбнулась она.

Слушая учительницу, Алешка скользил взглядом по комнате. Невольно взгляд его упал на пол и... Из-под старинного серванта на толстых изогнутых ножках снова выглядывал желтый конверт. Как он мог забыть об этом? Стараясь не показывать своего волнения, Алешка перевел взгляд на учебник и, будто бы между прочим, снова спросил не по теме:

– А к вам, кроме меня, еще много учеников ходит заниматься?

– Немного, – задумчиво ответила Мария Максимовна. – Ну все, продолжаем, а то мы так без толку проболтаем все твоё время.

– А девчонки есть? – прямо спросил Алешка, не зная, что придумать, чтобы вопрос получился без подтекста. Но к счастью, Мария Максимовна уже погрузилась в объяснение и лишь вскользь промолвила:

– Нет. Только четыре мальчика.

Получалось как-то нескладно. Возможно ли, чтобы кто-то решил подшутить над ним? Или же сама Мария Максимовна? Но зачем? Дождавшись конца урока, когда учительница, по обыкновению, вышла из комнаты раньше его, позволяя ему в одиночестве собрать свои книжки и тетради, Алешка подобрал конверт и засунул его в словарь. Уже на пороге он еще раз спросил про тех четверых, что занимались английским. Оказалось, что все они ему хорошо знакомы. С Мишкой из 10 «В» (теперь уже 11) он знался, потому что

они учились в одной параллели. Степа был на год младше, но тоже из его школы. Женя, более известный как Жир, учился в другой школе, но был очень популярен. Не слишком любезная кличка прилепилась к нему в детстве, когда он был толще остальных ребят, да так и осталась несмотря на то, что Жир вот уже несколько лет больше всего на свете ценил свои мышцы и с любовью тренировал их в единственном тренажерном зале. Ну а последний – Саша, маленький неприметный мальчик в здоровенных очках, только что окончил шестой класс. Алешка бы и не знал его, если бы в мае Саша не выиграл общероссийскую олимпиаду по математике и его не награждали перед всей школой.

Выходило так, что один из этих четверых мог с какой-то ведомой ему одному целью разыграть Алешку. Выяснить, кто это, требовалось до начала учебного года.

Как и в прошлый раз, конверт Алешка распечатал, отойдя от дома Марии Максимовны на приличное расстояние.

Алексей!

Все это выглядит жутко интересно! Ты как герой детективного романа в одиночку сражаешься с противником, который численно превосходит тебя. Надеюсь, цель сражения была оправданна? Вот так раньше рыцари бились за честь своей дамы сердца. И иногда умирали. Надеюсь, с тобой все в порядке?

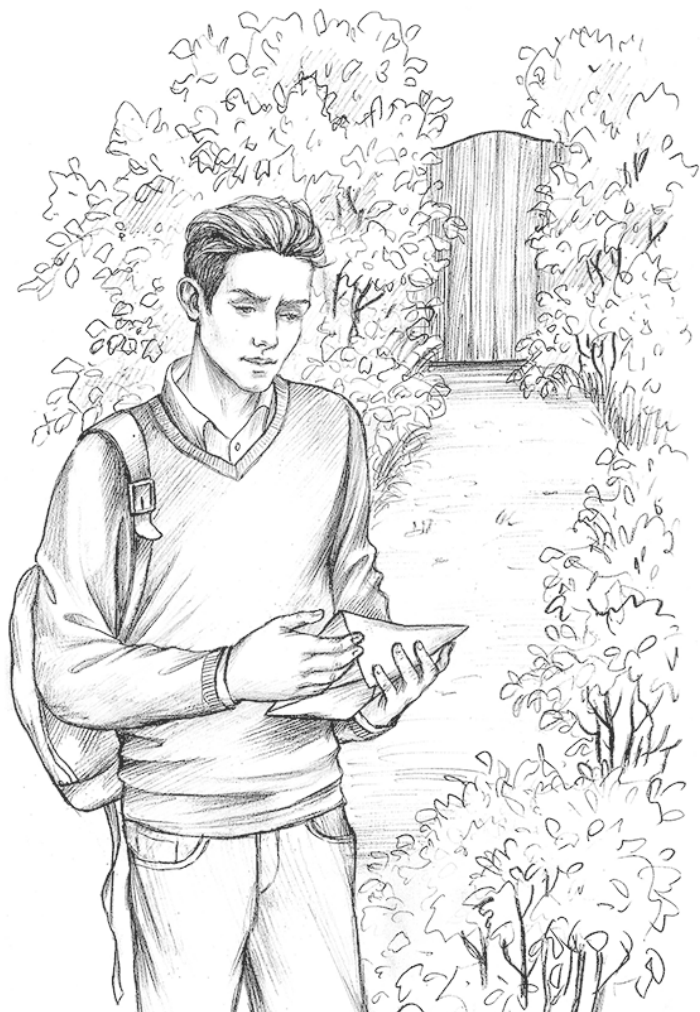
Мне бы хотелось так много всего тебе рассказать, но, боюсь, что, даже исписав целую тетрадь, я не передам и половину того, что творится в моей голове.

Кажется, твои занятия английским идут в гору. Но ты уж прости меня за такой непрофессиональный совет, думаю, тебе не хватает легкости. Ведь чужой язык нельзя учить, когда не понимаешь и не любишь культуру, сформировавшую этот язык. И здесь тебе может помочь английская поэзия. Только такие стихи, чтобы содержание обязательно пробиравало до дрожи.

Знаешь, я иногда играю на губной гармошке. Не бог весть какой музыкальный инструмент, но все же. Зато легко освоить. Не смейся, потому что на флейте или трубе я бы все равно никогда не научилась. Гармошка – единственное спасение. Ну и, конечно, теперь еще эти письма. Мне бы следовало вести себе тихонечко дневник, как это делают другие, и посвящать одну лишь бумагу в свои секреты, но... К несчастью, дневник я веду уже почти десять лет, и это мне порядком надоело. Не подумай, что я выбрала тебя в качестве носового платка! Просто иногда мне кажется, что мы очень похожи. Я бы могла стать такой же целеустремленной, как ты, такой же храброй, готовой подбить кому-нибудь глаз во имя справедливости, и, уж конечно, такой же любознательной. Вообще-то с любознательностью у меня проблем нет. Но вот первые два пункта хромают. Так что на этой милой ноте, пожалуй, закончу отнимать твое время.

Хорошего дня, герой!

М. О.

Теперь в Алешкиной теории появились новые нестыковки. Может... это все-таки Мария Максимовна? Об английском в письме говорится предостаточно и описывается новый метод, так сказать, со знанием дела. С другой стороны, не такой она человек, чтобы делиться сокровенными переживаниями с учеником. Фамильярность не ее стиль. Если даже это писал и не один из четырех подозреваемых (как Алешка окрестил других учеников), то наверняка кто-то из них к этому причастен. Требовалось выяснить все обстоятельно.

Вывернув из леса на улицу, он заметил на углу возле старых, проржавевших качелей детвору. Мальчишки и девчонки, на вид первоклашки, играли в мяч, точнее, не играли, а как-то вяло перекидывали его друг другу. В центре на качелях сидели две девочки, остальные стояли по краям. Все это походило на игру под названием «Семья», когда ведущий сначала кидает мяч и выкрикивает разные смешные имена, затем фамилии, дом, в котором игроку предстоит жить, и многое другое. Задача каждого – поймать либо то, что нравится, либо волшебное слово «семья», что дает право выбирать самому. Вот только игра у ребят никак не шла. Каждый из них, включая ведущего, бросившего мяч, то и дело доставал из кармана мобильник и вперял взгляд в экран, так что другим приходилось тормозить его.

«И в самом деле, – подумал Алешка, – отчего же ребята

не подтрунили надо мной так, по-современному? Почему не отправили сообщение на телефон или электронную почту? Да хотя бы в «Одноклассники»? Ведь куда проще – создай фальшивую страницу, прилепи фальшивую фотографию какой-нибудь красотки и пиши себе на здоровье! Но нет, тот, кто писал, явно старомоден и предпочитает общаться письмами, да еще и конверты клеит самостоятельно».

У Алешкиной мамы до сих пор хранилась стопка папиных писем из армии. Они лежали на шкафу в коробке из-под обуви, вместе со старыми фотографиями. Кто станет писать письма в наши дни? Только тот, кто привык. Например, Мария Максимовна. Почувствовав, что должен прямо сейчас разрешить эту загадку, Алешка быстро развернулся и зашагал обратно. Обычно учительница встречала его у калитки, но после его ухода всегда закрывала ее на засов. Оно и понятно. Одна в доме, да еще почти в лесу. Алешка громко забарабанил в ворота. Долго никто не открывал, но вот послышался скрип входной двери и шлепанье тапочек. «Англичанка» открыла калитку и с удивлением посмотрела на него:

– Ты что-нибудь забыл?

– Да. То есть нет. Я хотел спросить... Вы играете на губной гармошке? – Ну почему ему раньше не пришло в голову обдумать, с чего начать разговор?!

– Я?! – казалось, Мария Максимовна искренне удивилась. – Нет, а что?

– А письма вы раньше писали? Вообще писать письма любите?

– Алеша... – слегка сдвинув брови, она смотрела на него расширив глаза. – С тобой все в порядке?

– Мария Максимовна, это очень важно. Пожалуйста...

– Ну хорошо. – она потерла переносицу. – На губной гармошке, как, впрочем, и на всем остальном, я не играю. У меня нет музыкального слуха.

А письма, письма я всегда любила писать. Но сейчас это немного не актуально. Есть же электронная почта, скайп. Скажи мне наконец, что происходит?

– То есть вы никогда не писали мне писем? – Алешка наконец смог произнести прямо то, что его терзало.

– Ты же получаешь от меня e-mail после каждого занятия. Объясни, что случилось!

В этот момент Алешка почувствовал себя очень глупо. Если она и вправду ничего не писала, что ей следовало подумать? Что он сошел с ума? Извинившись и вяло промямливая что-то несуразное, он медленно побрел домой опустив нос и не смотря по сторонам.

Дома Алешка первым делом пообедал. Вообще-то ему не слишком хотелось есть, но запах запеченной домашней утки с молодой картошкой и свежими овощами заставил бы даже мертвого пустить слюну. Судя по тому, что все еще не успело остыть, мама ушла из дома недавно. Отец обычно возвращался с работы не раньше шести, а мама каждый день

выкраивала часа полтора, чтобы прийти домой из магазина, приготовить обед и умчаться обратно. И хотя ее единственный сын из маленького, несамостоятельного мальчишка давно превратился почти во взрослого мужчину, который так же, как и остальные представители сильного пола, уже брился по утрам, она неизменно соблюдала свой ритуал. Даже обида не помешала ей изменить привычке.

Алешка понимал, что, возможно, если бы в семье, кроме него, были еще дети, родительская забота не легла бы таким тяжелым грузом на его плечи, и он в свои семнадцать лет имел бы чуть-чуть больше свободы и, как следствие, умел бы самостоятельно жарить хотя бы яичницу. Но, с другой стороны, что плохого в том, что за завтраком тебе подают вилку, наливают кофе, не спрашивают, а просто кладут в него заранее известное количество сахара? Ведь все это только освобождает дополнительное время для занятий. Алешка не играл в компьютерные игры, не смотрел часами телесериалы, подобно другим своим сверстникам. Он четко шел к своей цели, осознавая, что усилия, затраченные на учебу в последних классах, пропорционально отразятся на всей его дальнейшей жизни. Он уже давно определил основные вехи в своей биографии.

В семнадцать окончить школу с золотой медалью и великолепными результатами ЕГЭ. Поступить в МГИМО на факультет международных отношений; работать во время учебы, пусть и за небольшое вознаграждение, оттачивая ино-

странные языки. После университета найти работу за границей, не навсегда, а так, на несколько лет, обеспечив себе стабильную материальную базу в виде дома, машины и счета в банке. Вернуться на родину и ближе к тридцати годам задуматься о женитьбе (образ будущей избранницы виделся ему еще несколько размыто). Дальше он планировал завести (почти как животных, а чего еще ждать от мальчишки семнадцати лет?) двоих, может, троих детей и организовать успешный международный бизнес, основываясь на тех связях, которые он приобретет во время работы за рубежом. Все это казалось ему таким же очевидным, как то, что солнце встает на востоке, а садится на западе. Он не допускал ни малейших проколов в этой четко спланированной системе и со своей стороны задействовал все имеющиеся ресурсы. Тот, кто писал Алешке письма, был прав: немного нашлось бы в его окружении людей столь же целеустремленных и требовательных к себе.

Проглотив обед, он направился в свою комнату и раскрыл учебник истории. Однако мысли о желтых конвертах никак не шли у него из головы. Открыв рюкзак, он извлек из него словарь, в котором лежало второе письмо, и внимательно посмотрел на бумагу со всех сторон так, словно там могли проступить невидимые прежде символы. Ничего не проступало. Тогда Алешка поднес листок к носу. От бумаги пахло чернилами. Он еще раз внимательно посмотрел на почерк, стараясь, подобно Шерлоку, разгадать личность писавшего. Но

маленькие аккуратные буквы ни о чем не говорили. Разве что мальчики обычно пишут более коряво. Для подтверждения этой теории Алешка раскрыл свой дневник, лежавший на краю стола, и посмотрел на названия предметов, написанные его рукой. Рядом стояли напоминания и комментарии учителей, в основном Надежды Семеновны – классного руководителя. Алешка пролистал дневник назад. На одной странице он нашел запись и от Марии Максимовны. Почерк совсем не походил на тот, которым были написаны письма. И как он сразу об этом не подумал? Не пришлось бы устраивать всю эту комедию с расспросами.

После этого Алешка собрался с мыслями и с головой ушел в повторение по истории периода перестройки. Только когда часы на кухне пропиликали шесть, он поднял голову от книги. В этот самый момент, словно специально дожидаясь назначенного часа, калитка брякнула и послышались шаги поднимающихся на крыльцо людей. Алешка двинулся в прихожую, и, когда входная дверь отворилась, у него глаза чуть не полезли на лоб. На пороге стояли родители, а вместе с ними Ленка.

– Сыночек, забери пакеты, – с улыбкой проговорила мама, хотя еще утром, уходя из дома, лишь проронила: «До сих пор в голове не укладывается, что ты мог так сделать...»

Он взял пакеты и, кивнув Ленке вместо приветствия, отнес их куда следовало. Отец тут же занял свое любимое место у телевизора, а женская половина, помыв руки, приня-

лась за салаты. Удивленный и словно ожидающий разъяснений Алешка остался на кухне и молча наблюдал за непонятным процессом. Нет, мама, конечно, Ленку знала давно. Она всех его друзей и знакомых знала. Город ведь маленький. Но чтобы приглашать на ужин, да еще и нарезать с ней салаты. Что-то здесь нечисто. Выглядела Ленка, как всегда, блестяще. На ней был белый сарафан в крупных цветах, на шее нитка белого жемчуга и такие же сережки в ушах. А волосы в этот раз она мудрено закрутила, так что правильный овал лица и тонкая шея смотрелись особенно хорошо.

Наконец мама обратила свое внимание на сына:

– Ты знаешь, Лешенька (давно уже она его Лешенькой не называла!), сегодня Леночка зашла ко мне в магазин и рассказала, как все было тогда на дискотеке. Я ведь даже и подумать не могла, что ты у меня настоящий герой. Теперь понятно, почему ты дяде Вове ничего не захотел говорить.

– Серьезно? – недоверчиво промычал Алешка и посмотрел на Ленку. Та только загадочно улыбнулась. – И что же именно она тебе рассказала?

– Да все. И про то, как ее этот мальчик из училища обидел, и как ты из-за этого один с шестью ребятами стал драться. Знаешь, мы тут с отцом всю дорогу домой говорили, что несправедливо все эти дни к тебе относились. И еще, что хорошо тебя воспитали. Молодец! Это поступок настоящего мужчины.

Алешка продолжал смотреть на Ленку. Зачем она выду-

мала все это? И самое главное – зачем сама пришла к маме в магазин и, наверняка, напросилась на ужин? Какая ей от этого выгода, тем более теперь? Ведь он не обращал на нее никакого внимания с того самого дня.

Когда приготовления были закончены, все уселись за стол. Конечно же стали говорить об экзаменах и поступлении (что еще можно обсуждать с одиннадцатиклассниками?). Когда папа спросил Ленку, где она собирается учиться, та не задумываясь ответила: в Питере.

Как – в Питере?.. Алешка снова недоумевал. Она же максимум в «Маханку» к Колючему может пойти со своими знаниями! На остальное просто ума не хватит. Но нет, оказалось, она метит на «Финансы и кредит». Причем не важно, в какой вуз, только бы в северную столицу.

Когда допили чай, Алешка предложил пойти прогуляться. Но Ленка зачем-то решила сперва перемыть всю посуду, невзирая на протесты мамы, и только после этого вышла на улицу. Косые солнечные лучи уже успели окраситься в багровый цвет и играли переливами на металлических крышах соседних домов. А там, где дорога начинала круто забирать вверх, теперь всё виделось слегка расплывчатым. Ленка шла молча. Сегодня она вообще вела себя не так, как обычно. Говорила какими-то слишком уж заумными, непривычными для нее фразами, не поднимала брови дугой, отчего на лице ее не появлялся хитрый кошачий взгляд, и вообще, если бы Алешке сказали, что на самом деле в тело Ленки вселилась

какая-то другая девочка, он бы с радостью поверил.

Они незаметно для себя направлялись в сторону леса.

– Слушай, что это там сейчас было? Ты же знаешь, никакой я не герой и за тебя не заступался.

– Но твои родители ведь этого не знают.

И потом, Виталик из 11 «Б» рассказал мне, что Колючий всю неделю хвалился, как сделает тебя за то, что ты решил меня у него отбить.

– Никого я не отбивал. – Алешка понял, что со стороны все могло выглядеть именно так, даже если его и не было в «Клетке» в тот момент, когда началась драка.

– Серьезно? А что это тогда там было, когда ты приглашал меня погулять после дискотеки?

– Ну, э-э-э... – возразить было нечего.

Мимо на велосипеде проехал Антон, живший через два дома от Алешки. В детстве они были друзья – не разлей вода. Погодки, да еще и мамы-подружки. А потом, как это часто бывает, интересы разошлись. Но все равно Антон иногда по-свойски заходил к Воробьевым домой, бесцеремонно плюхался на Алешкину кровать и начинал рассказывать ему подробности из своей бесшабашной, полной впечатлений жизни. Теперь же, заметив парочку, Антон не остановился, а лишь подмигнул товарищу, состроив такую гримасу, по которой трудно было определить ее истинное значение.

«Ну вот, – подумал Алешка, – к вечеру, самое большое, завтра утром все будут знать, что я встречаюсь с Ленкой. А

я с ней и в самом деле... встречаюсь?»

Для верности он протянул руку и обхватил ее мягкую ладонь. Она не сопротивлялась. Это означало, что между ними все серьезно.

Через несколько минут дома кончились, и им на смену пришли заросли бузины, алычи и дикого тутовника. Здесь дорога раздваивалась: одна ее часть уходила в сторону дома Марии Максимовны, а другая, становясь все более крутой, в конце концов упиралась в телевизионную вышку, откуда открывалась панорама всего города с прилегающими хуторами, озерами и фермами. Сюда-то Алешка и собирался отвести Ленку в тот вечер после дискотеки, чтобы впечатлить своим романтизмом настолько, что у Колючего не осталось бы никаких шансов. Для удобства понимающие люди примостили на самый край плоской как стол вершины горы ствол поваленного дерева. Получалась сучковатая, но все же лавочка.

В тот самый момент, когда они достигли вершины, солнце уже скрылось за горизонтом, но его блики все еще волшебным образом окрашивали водоемы из голубого и болотного в малиновый, алый и даже сиреневый цвета.

– Была когда-нибудь здесь? – спросил Алешка, в душе надеясь, что Ленка впервые видит картину, вызывающую у него самого такой восторг.

Она пожала плечами:

– Нет. Не доводилось. А ты с фантазией. Хорошее каче-

ство для мужчины.

Словно нарочно нарушая возникшую в разговоре паузу, которая могла послужить поводом для сближения, Алешка вдруг полез в карман. От этого дерево зашаталось, но, к счастью, не сдвинулось с места. В кармане обнаружилась горстка семечек, пролежавших там уже бог знает сколько дней. Достав их, он галантно предложил угоститься даме.

Ленка приподняла брови, и вот тут-то наконец на лице ее проступило привычное выражение. Семечек она, конечно, не ела. Это было немного странно, потому что у молодежи в этом маленьком городке было любимым занятием посидеть вечером на лавочке возле дома, или на крыльце у третьей школы, или на ступеньках Дома культуры и как следует заплевать все, чтобы следы этих посиделок оставались у всех на виду еще несколько дней, до тех пор пока дворники не сгребут все своими лохматыми метлами. Но Ленка недавно отбелила зубы. Случилось это в мае, так что в школьной столовой она сознательно не заказывала себе кофе, и непрестанно твердила во всеуслышание, что у тех, кто пьет кофе, зубы становятся желтыми. Алешка вспомнил об этом и, отняв от нее протянутую руку с горстью крупных семян, принялся щелкать в одиночестве.

Уже потом, дома, лежа в своей кровати и вспоминая этот курьез, он подумал, что наверняка подсознательно старался избежать само собой разумеющегося поцелуя, который в выбранном месте и времени мог бы получиться очень краси-

ВЫМ.

Алешка еще никого и никогда не целовал. Изреки подобное вслух кто-то из его знакомых, другие бы, несомненно, рассмеялись и отметили, что Воробей – один из самых опытных и хулиганистых ловеласов во всей школе. Ничего, что слегка помешан на учебе, но зато «настоящий мужик», и татуировка на правой руке – прямое тому подтверждение. Специально своим имиджем Алешка не занимался, но и не опровергал слухи, ходившие вокруг его персоны. Так даже удобнее, когда все «за своего» считают.

Провожая в тот вечер Ленку до дома, Алешка всю дорогу думал о своих занятиях. Жила она в центре, недалеко от рынка, так что с горы им пришлось вернуться на Алешкину улицу, а оттуда протопать еще минут двадцать (правда, уже по асфальтированной дороге), прежде чем они остановились у забора большого двухэтажного дома, на крыше которого поскрипывал резной флюгерный петух.

И снова возникла неловкая пауза. Ленка благодарила его за прекрасно проведенное время, а он ее за... за помытую посуду (ничего лучше придумать не смог). Когда настал роковой момент, улица осветилась фарами подъезжающего автомобиля, который очень кстати остановился возле Ленкиного дома. Из него вышел толстый мужчина в обрезанных по колено джинсах. Он достал из багажника какой-то тук и, взвалив на плечо, попросил Ленку открыть ему калитку. Алешка понял, что это к ее отцу, и, воспользовавшись удач-

ным моментом, заторопился домой, так и не свершив ожидаемого.

Теперь, лежа в кровати, он почувствовал, что щеки его пылают. Сами собой мысли его вернулись к прочитанному сегодня письму. Полежав еще немного и поняв, что сон не желает приходить, он встал с постели и включил планшет. Когда система загрузилась, он забил в поисковой строке «Стихи на английском языке» и стал копаться в образовавшихся ссылках. Среди всего многообразия Алешка увидел знакомую фамилию – Лонгфелло. Генри Лонгфелло. Кажется, Мария Максимовна что-то о нем рассказывала. Он открыл первый попавшийся сборник и пролистал его. Стихотворение под названием «Тайна моря» заинтересовало его.

Ah! what pleasant vision shaunt me
As I gaze upon the sea!
All the old romantic legends,
All my dreams, come back to me².

Текст стихотворения, несмотря на то что был написан на иностранном языке, понимался без проблем. Может, оттого, что уровень Алешкиного английского был достаточным для чтения поэзии. Ему почудилось, будто за окном и в самом деле расплескалось море. Фонари на их улице не горели, так что можно было воображать что угодно. Стихи ему понрави-

² Ах! Виденья, что приходят, В дни, когда у моря я, Все старинные легенды, Прошлых дней мечтания. Перевод Кир Трофимов

лись. Очень уж легко у поэта получилось передать свои восторженные ощущения. Даже как-то по-ребячьи. После «Тайны моря» он прочитал оставшиеся двадцать листов открывшегося документа и с чувством выполненного долга уснул.

Глава 3

Назавтра Ленка разбудила его своим смс-сообщением. В нем говорилось, что сегодня в шесть вечера они идут на день рождения Ленкиной подруги Светки. Вот тебе раз, не успел сходить погулять, как она тут же вообразила, будто они пара! Но разве не этого он хотел?

Часы показывали половину одиннадцатого. Ну и засиделся же он вчера. Стихи, словно написанные невидимой рукой, все еще стояли перед глазами. Босиком Алешка протопал на кухню. На столе стояли тарелка с творогом, фрукты, булочки, накрытые полотенцем от мух, и заварной чайничек. Умывшись и прихватив с собой книгу, Алешка удобно устроился посередине кухонного диванчика, закинув ноги на соседний стул (раз уж никто не видит), и, раскрыв на нужной странице книгу, принялся за еду.

Когда с творогом было покончено, мобильник зазвонил. Снова Ленка!

– Привет. Ты получил мое сообщение?

– Да.

– О подарке можешь не беспокоиться. Я еще на прошлой неделе купила. С тебя только цветы. Лучше розы. Семь, красных. Нет, белых. Знаешь, на длинной ножке. И попроси, чтоб шипы убрали.

– Хм... – Алешка не знал, как сказать, что не собирается

идти с ней. Но ее, похоже, мало волновала его реакция.

– Так, мне сейчас некогда. У меня маникюр через пятнадцать минут. В общем, жду тебя в половине шестого. От меня поедем на такси. Все. Пока-пока. – на этих словах связь оборвалась.

Алешка снова погрузился в книгу, прихлебывая уже остывший чай, но через минуту снова отложил ее в сторону. Получается, что ему придется идти сегодня с Ленкой туда, где соберутся все их общие знакомые. В прошлом году он уже был на Светкином дне рождения. Правда, без пары. Тогда ее родители организовали празднество во времянке и ни разу не потревожили молодежь своим присутствием. Ох и веселились же все тогда! Он вернулся домой аж в половине четвертого. А что родители скажут, когда там почти вся параллель? Да к тому же каникулы.

С другой стороны, Мишка, ученик Марии Максимовны, наверняка не пропустит такое. А значит, можно узнать, что ему известно о желтых конвертах. А с Ленкой все как-нибудь само потом решится.

День сегодня был приятный, пасмурный. Не такой знойный, как все предыдущие, и после завтрака Алешке захотелось прогуляться. К тому же нужны цветы. Сделать это можно, кстати, у мамы в магазине. Зимой она торговать цветами не любила, а вот летом – охотно. Три-четыре широкие цветочные вазы торжественно располагались сразу за дверью магазина и не мешали основному товару.

Когда-то давно, когда у отца был старый автомобиль, называемый в народе «пирожок», они с мамой каждую неделю ездили за товаром в краевой центр. Тогда на рынке еще не держали крытых ларьков, так что им приходилось в начале каждого рабочего дня расставлять все на витринах, а к вечеру убирать обратно. И торговали бы они одеждой или косметикой – это куда ни шло, но посуда... Кастрюли, тарелки и горшки весили немало, так что труд был по-настоящему тяжелый. Потом маме надоело, и она ушла работать по специальности в аптеку. Но платили там очень мало. Теперь все было гораздо проще. У отца была собственная грузовая машина с водителем, выполняющим по совместительству обязанности грузчика. Так что за товаром он ездил только раз в месяц и в один день разом пополнял ассортимент всех торговых точек. Маме оставалось только стоять за прилавком, хотя при желании она могла бы и этого не делать. Отец, например, сам уже давно не торговал, считая это пройденным в жизни этапом. Обычно он «налаживал связи». Частенько засиживался в кабинете директора рынка, навещал дядю Вову, водил дружбу с администрацией города – словом, делал все, чтобы (подобно другим малым предпринимателям) его точки не страдали от внезапных проверок и «жалоб».

Дорога к рынку проходила по главной городской улице. Асфальт здесь был получше, чем в остальных частях города. Имелись даже глубокие ливневые стоки, которые год назад оградили узорчатым кованым заборчиком. Слишком уж ча-

сто прежде в них падали по ночам поздние прохожие. В тени домов сидели старики и старухи, так что Алешке приходилось здороваться через каждые десять метров. Он думал о том, как (наверняка!) хорошо будет жить в большом городе, где тебя никто не знает, ездить в метро, уткнувшись в книгу, ожидая свою станцию, гулять вечерами по широким мостовым и набережным. И везде – жизнь, везде – неизведанное!

Дойдя до рынка, где торговали кроликами, курами и другими живыми созданиями, пройдя вещевые ряды, за которыми следовали хозтовары, Алешка встретил несколько ребят из класса. Те спросили, идет ли он к Светке. Оказалось, что в этом году соберется компания гораздо больше прошлогодней (хотя куда уж больше?!). По слухам, Светка пригласила даже «маханских». Алешка поморщился. Он знал, что Колючий ни за что больше не станет провоцировать его на драку. Но все равно видеть его с друзьями не хотелось.

Когда Алешка зашел к маме в магазин, она как раз прощалась с клиенткой. Заслоняющая собой прилавок и маму грузная тетя укладывала в свою сумку на колесиках коробки с уже упакованной посудой. Чтобы разойтись с ней в дверях, Алешке пришлось выйти обратно на улицу. Сначала разузнав, что любимый сын ел на завтрак, мама направилась к вазам с цветами и начала выбирать белые розы на длинных ножках. Не стоило большого труда догадаться, откуда она узнала о цветах.

– Ленка заходила? – сквозь зубы спросил Алешка.

– Да. Она делала маникюр тут рядом в «Меридиане». Ой, какая же она все-таки красавица. Всегда такая ухоженная. Другой такой девочки во всем городе не сыщешь.

– Можешь ее удочерить, – язвительно проговорил Алешка.

– Я подумаю.

В этот момент в магазин зашли люди, и это спасло Алешку от дальнейших разговоров о Ленке.

– Я сегодня буду поздно, – предупредил он, направляясь к двери.

– Телефон не забудь зарядить, – крикнула вдогонку мама.

Остаток дня пролетел незаметно. Сначала Алешка повторял историю. Сложнее всего ему запоминались даты. Хотя, наверное, узнав этот факт, одноклассники ни за что не поверили бы. Написав последний майский тест на единственную в классе пятерку, Алешка моментально перешел в ранг недосыгаемых гениев, которые ничего не учат, а только черпают знания, подключаясь к невидимому космическому разуму. Теперь же он переключал самодельные карточки из одной части тетради в другую и с усердием пытался вспомнить годы жизни Юрия Долгорукого.

Фокус, подсмотренный Алешкой в одном you-tube-ролике заключался в том, чтобы разделить все существующие исторические даты (на самом деле не все, а как минимум те, что пригодятся на ЕГЭ) на три группы. В первую входили даты, которые он знал очень плохо или не знал вовсе. Они

помещались в специальный кармашек, сделанный из склеенного наполовину листа тетради. Во вторую группу входили даты, которые Алешка уже выучил, но иногда путал. Для них тоже предусматривался свой кармашек. А в третью группу входили те, что он мог назвать даже среди ночи, как, например, Куликовская битва. Эти листочки лежали отдельно от остальных во вклеенном в тетрадь конверте. Даты из первого кармашка необходимо было повторять ежедневно. Обычно он делал это дважды в день – утром и вечером. Когда какая-то дата запоминалась лучше других, она переходила во второй кармашек. Карточки из этого отсека повторялись один раз в неделю. И наконец, третий (к счастью, уже самый большой) карман-конверт Алеша вскрывал раз в месяц и повторял даты из него очень внимательно, выделяя на это занятие несколько часов.

После истории времени оставалось совсем немного, так что Алешка решил повторить новые английские слова. И снова мысли его вернулись к желтым конвертам. Возможно ли, чтобы кто-то не ради шутки написал ему эти письма? Как любит повторять папа: «за сложным и на первый взгляд закрученным сюжетом всегда кроется до банального простое решение».

Когда часы на кухне пробили пять, он отложил книжки в сторону и стал одеваться. Пришлось некоторое время постоять с двумя майками в руках, выбирая, какая будет лучше смотреться на фоне Ленкиного (сто процентов) самого осле-

пительного платья. В конце концов, отдав предпочтение однотонной болотной футболке с маленькой красной надписью на латинице у воротника, он натянул штаны со здоровенными карманами и, засунув ноги в «конверсы»³ (в школе такие, кроме него, были только у Виталика Антонова), захватив букет роз, вышел на улицу.

Можно, конечно, было поехать за Ленкой сразу на такси. Но получалось не очень выгодно. Как и все девчонки, она могла, вместо обещанных пяти минут, собираться еще полчаса, а он бы все это время просто следил за тем, как тикает счетчик и улетают в трубу его карманные деньги. У Алешки с родителями еще с девятого класса появилось соглашение по поводу карманных денег. Их ему выдавали разом в начале месяца, и он мог потратить все за один день или попытаться скопить на что-то стоящее. При этом крупные покупки, вроде одежды, школьных принадлежностей и путешествий, в эту сумму конечно же не входили. Так родители пытались приучить сына планировать свой бюджет. И, надо сказать, выходило гораздо удобней, чем если бы он ежедневно клянчил на то на се, как маленький.

Ровно в половине шестого Алешка оказался у Ленкиного дома. Поразмыслив немного, стоит ли нажимать на звонок над калиткой, он выбрал мобильник. Долго никто не отвечал. Наконец послышался ее голос:

– Ты уже подъехал? – вот так прямо, без предисловий.

³ **Кбнверсы** (converse) – модные американские кеды.

– Да. Ты скоро?

– Выхожу.

Алешка набрал номер такси. Так как в городе работала одна-единственная компания, в этот пятничный вечер свободных машин не было. Как сообщал оператор, до ближайшего времени подачи машины ждать нужно было минимум полчаса. Алешка пытался предугадать реакцию своей спутницы, но ее взгляд был красноречивее любых слов. Сегодня на Ленке было очень короткое серебристое платье и такие же сверкающие босоножки на высоченном каблуке. Любая другая на ее месте непременно заслужила бы себе прозвище «стразина» или «сорока», но только не Ленка. Наверняка это платье стоило больше, чем могла себе позволить любая девочка из тех, что придут сегодня на вечеринку, включая и саму именинницу.

Не до конца отдавая себе отчет в том, что вылетает у него из рта, Алешка вдруг предложил:

– А знаешь... если ты возьмешь шлепки, я имею в виду, на каблуках тебе, наверное, неудобно будет, мы можем пешком дойти до Светки. Хочешь, я понесу твои туфли в пакете? А там переобуешься.

– Шутник, – резко отрезала она и, развернувшись, направилась в сторону своего дома. Не оборачиваясь, она добавила: – Так и будешь там топтаться? Подождем такси дома.

От вчерашней милой и покладистой девочки, которая с готовностью помогала Алешкиной маме с посудой, не осталось и следа. Но ему, по большому счету, было все равно, так что, проглотив этот раздраженный тон, он последовал за своей «дамой сердца».

Из родных дома у Ленки была только старшая сестра. Вику Алешка знал очень хорошо. Ему всегда казалось, что кого-то из этих двоих явно должны были удочерить, настолько невероятным казалось их внешнее различие. Вике было около тридцати. Она работала в местной аптеке (кстати, в начале своей карьеры – вместе с Алешкиной мамой), почти не красилась, вечера проводила дома и вообще выглядела как омоложенная копия старухи, которой каким-то чудом удалось сохранить гладкую кожу, но при этом усталость, скопившаяся за десятки прожитых лет, все равно брала свое. Ленка очень стеснялась Вику и не упускала возможности, чтобы не подколоть ее в присутствии своих друзей. Знала ли та об этом? Скорее всего, да, но ее мало волновало мнение сестры.

По телевизору шла какая-то знакомая передача (названия Алешка вспомнить никак не мог), так что он просто кивнул Вике, которая смерила его долгим пристальным взглядом, и прошагал за Ленкой в ее комнату.

Что это была за комната! Прежде Алешка и подумать не мог, что так можно жить. Во-первых, комната была просто огромная. Да, конечно, его собственный дом не отличался размерами от Ленкиного. В нем была большая гостиная, большая кухня-столовая, еще бóльшая родительская спальня и несколько комнат для гостей. Здесь же сразу было понятно, кто в доме хозяин. В Ленкиной комнате можно было запросто устроить футбольный матч, собрав целую толпу болельщиков, или расставить лунки для гольфа.

Возле панорамного окна, которое выходило во двор, стояла королевская кровать, накрытая кислотным розовым покрывалом. С карнизов вместе с легким тюлем свисали нитки крупного и мелкого жемчуга, «бусы», как окрестил их про себя Алешка. Такие же «бусы» обрамляли несколько картин в толстых металлических рамах с изображениями знаменитостей, а также изогнутый торшер в виде цветка лотоса. В комнате отчего-то не было стола для уроков. Зато в одном конце стоял низенький стеклянный столик, на котором стояла косметика и лежало несколько журналов, а у противоположной стены, меж двух бесформенных мешкообразных кресел, примостилась квадратная тумба, больше напоминающая табурет, к которому приделали дверцы.

Ленка уселась на кровать и устремила свой взгляд на гостя. Было заметно, что его изумление ей приятно. После некоторого молчания она произнесла:

– Даже хорошо, что такси запаздывает. У нас есть немного

времени, чтобы побыть вдвоем.

Алешке не понравилось то, как она это сказала, и, чтобы сменить тему, он повернулся к картинам:

– Этот похож на Элвиса Пресли. Тебе что, нравится его творчество?

Ленка состроила такое лицо, словно ответ был очевиден, и продолжила:

– Леш, у нас же все серьезно?

– Э-э-э...

– Ну а как иначе? Мы сейчас вместе, поступать будем в один город, может, даже в один вуз. («Чего?!» – Алешка чуть не рухнул на месте.) Это даже хорошо, что мы сошлись, потому что выбирать надо среди своих. Колочий парень, конечно, неплохой, но нам с тобой не ровня. Твой папа, кажется, еще один магазин скоро откроет? Мне так родители сказали...

Разговор начинал напрягать Алешку. Ее честолюбивое стремление спланировать их будущее никак не вязалось с его личными планами. Ленка встала с кровати и подошла к нему очень близко, стирая все допустимые границы личного пространства.

– Я говорю о том, – продолжила она, – что раз у нас все серьезно, значит, можно позволить себе больше. Ты понимаешь, о чем я?

В это мгновение мобильник спасительно затрезвонил. Алешка снял трубку и с радостью сообщил, что подъехало

такси. На пятнадцать минут раньше положенного. Ленка моментально забыла только что сказанное и подошла к зеркалу, чтобы еще раз убедиться в собственном совершенстве.

По дороге к Светке они молчали. Музыка играла так громко, что ее невозможно было перекрычать. Подъезжая к дому, они обогнали несколько ребят из школы, так что выход Ленки из такси с Алешкиной галантной подачей руки оказался эффектным, да еще и при свидетелях. Из временки раздавалась музыка. Сама именинница выскочила навстречу гостям и с радостью принялась выхватывать у всех цветы и подарки. Ленку она окинула почти незаметным завистливым взглядом (наверное, если бы она могла, то не приглашала бы ее), но через секунду снова широко и радушно улыбалась.

Внутри уже собралась приличная компания. С прошлого года родители Светки перестроили временку. Теперь у одной ее стороны располагались двери, выходящие на мощеную площадку, где стояли столы с закусками. «Бредовая мода – копировать западные фильмы, – подумал Алешка. – Еды много, а есть нечего».

– О, у тебя прием без рассадки? – не замедлила проявить свою осведомленность Ленка. – Молодец. Не то что эта старина, салаты всякие, крошки.

Светка согласно кивнула и довольная ушла относить подарки. В одной из двух комнат временки Алешка обнаружил Мишку, ради которого, собственно, он и согласился прийти сюда. Тот втихаря уплетал что-то и при этом рассматривал

журнал с коллекционными авто. Знакомому он обрадовался:

– О, здорово, Воробей! Сечешь, «лексус» пятьдесят второго. А? Вот это тема!

– Да, круто. – Алешка не знал, как ему лучше начать. – Слушай, Миш, а у тебя с английским как?

– Ничо. – Мишка снова принялся что-то втолковывать товарищу про машины.

– Нет, я имею в виду, как тебе занятия у Марии Максимовны?

– Да, говорю же, ничо. Ты поменяться, что ли, хочешь временем? Извини, брат, у меня только вторник и четверг, в другие дни...

Алешка решил больше не темнить:

– Что тебе известно про желтые конверты?

Эта первая секундная реакция Мишки была очень важна. По ней Алешка хотел определить, известно ли тому о письмах или же он будет удивлен. Реакция была более чем откровенной.

У Мишки вытянулось лицо в трубочку, и он заржал, как сумасшедший:

– Э, брат, ты брось. Я таким не балуюсь и тебе не советую. Знаешь, мозги, говорят, через год отсыхают.

– Какие мозги? – не понял Алешка.

– Обыкновенные. С извилинами. Стоп, нет, там, кажется, не желтые конверты, а как-то по-другому называлось. Что-то типа «желтая почта». Нет, «желтая плесень». Точно, «желтая

плесень».

Алешка понял, что о конвертах Мишка ничего не знает. Ну хотя бы одного человека можно было вычеркнуть из списка. Оставалось трое.

В этот момент к ним подошли еще несколько ребят из школы. Разговор касался «маханских» пацанов, которые скоро должны были прийти. Все слегка подтрунивали над Алешкой, ожидая, что он снова проявит себя. И хотя кроме того, что его забрали в отделение полиции, иных поводов для хвастовства в тот памятный вечер в «Клетке» не имелось, все равно было приятно. Нарушая сформировавшуюся вокруг Алешки компанию, Ленка подошла и подхватила его под руку. Окружающие этот жест оценили. Теперь сказать, что они не пара, означало почти нарушить ход мировой истории.

«Маханские» появились только к десяти. Надо отдать должное соседям Светки, которые ни разу до этого времени не пожаловались на громкую музыку, разрывавшую теплый летний воздух напрямик из огромной колонки, которую для усиления звукового эффекта вытащили под навес к столу. Колючий не смотрел в сторону Алешки. Наверное, жалел, что забрали тогда не его. Теперь он вроде как ухаживал за именинницей. Не случайно же она пригласила его с товарищами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.